

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В РОССИИ И ПОЗИТИВИЗМ

© 2014 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Краткая аннотация: в статье показывается значение позитивистской философии для становления социологии права в России. Раскрывается связь между основными теоретико-методологическими посылками позитивизма и возможностями социологического анализа государства и права.

Annotation: the article shows the value of positivist philosophy for the formation of the sociology of law in Russia. Open connection between the basic theoretical-methodological assumptions of positivism and the possibility of sociological analysis of state and law.

Ключевые слова: социология права, позитивизм, позитивистская социология права, социал-дарвинизм.

Key words: sociology of law, positivism, positivist sociology of law, social Darwinism.

Позитивизм в России: этапы растущего влияния

Принято различать три исторические формы, три периода в развитии позитивизма. “Первый позитивизм” (его пик приходится на последнюю треть XIX в.) опирался в основном на сочинения О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, предложивших механистическую картину мира, стадийное развитие истории как истории духа и классификацию наук. “Второй позитивизм”, возникший на рубеже XIX–XX вв. на основе идей Э. Маха и Р. Авенариуса (махизм, эмпириокритицизм) и оказавший влияние на крупных ученых (А. Эйнштейн), представлял собой своеобразный синтез контизма и кантианства: вместо “бесконечных и бессмысленных” метафизических споров предлагалось исследовать процесс конституирования предметов опыта (“комплексов ощущений”) и образования знания (научных понятий). “Третий позитивизм” в форме неопозитивизма сводил познание к анализу языковых форм знания, а единственно возможным знанием считал только специально-научное знание.

В деле формирования социологии права в России главную роль сыграл “первый позитивизм”, “вторая” и “третья” его формы в силу разных причин имели более скромное значение.

Первое проникновение идей позитивистской философии в Россию было опосредованным и относится к 30–40-м годам XIX в. Позитивизм пришел через авторов, либо оказавших влияние на Конта (Сен-Симон, В. Кузен), либо испытав-

ших его влияние (братья Гумбольдты, химик-позитивист Ю.Л. Либих, идеи которого во многом воздействовали на естественнонаучные и гуманистические взгляды ученых России XIX в., Э. Литтре). Одна из первых форм адаптации позитивизма на русской почве – утопический социализм в виде сен-симонизма (можно встретить у А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.Г. Белинского, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского). Н.П. Огарев осенью 1845 г. слушал лекции Конта в Париже.

В 30-е годы в русских источниках еще нет упоминания имени Конта или его доктрины: «В пору, когда в Париже том за томом публиковался “Курс позитивной философии”, ни в одном философском произведении, вышедшем в России, нет ссылки на Конта»². Имя Конта можно встретить только в переписке (А.И. Герцен, В.Г. Белинский).

«Весьма слабый в 30-е гг. процесс распространения позитивизма в России в 40–50-е гг. заметно усилился. Понятие “позитивный” (“положительный”) становится ходовым, и особенно среди естествоиспытателей. Его употребление в устной речи и в литературе, в ученых сочинениях имело широкий смысловой диапазон: оно использовалось всякий раз, когда необходимо было что-то противопоставить старому, отжившему свой век или просто не оригинальному»³. Первое упоминание имени Конта в русских источниках – работа В.Н. Майкова (публицист, историк науки, философии, права и культуры) “Общественные науки в России” 1845 г., где говорится о больших возможностях позитивистской философии, кон-

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

² Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 56.

³ Там же. С. 95.

товской классификации наук. В 1847 г. В.А. Милютин (юрист, социолог, публицист; петрашевец) в серии статей дал развернутую характеристику учения Конта⁴.

В 60–70-е годы позитивизм приобретает широкомасштабную популярность, становится полноценным философским направлением, которое пропагандируют и творчески развивают публицисты (Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, В.В. Лесевич, М.А. Антонович) и профессиональные философы (К.Д. Кавелин, Г.Н. Вырубов, М.М. Троицкий, Н.Я. Грот, Е.В. Де-Роберти). Возникают журналы соответствующего профиля. В 1867 г. в Париже Э. Литтре и Г.Н. Вырубов начинают издавать журнал “*Philosophie positive*” (“Позитивная философия”). В России «главными органами периодической печати позитивистского направления были сначала “Отечественные записки”, “Дело” и “Знание”, позднее к ним присоединились “Критическое обозрение” и “Юридический вестник”»⁵.

На рубеже 70–80-х годов позитивизм приходит в науку, становясь мировоззренческой и методологической основой многих русских ученых в области математики, механики, физики, астрономии, химии, биологии, физиологии, психологии, истории, юриспруденции, искусство- и литературоведения. К концу века позитивизм и социология достигают такого уровня влияния, который начинает всерьез пугать царскую власть. Общественная значимость и критическая направленность позитивистской социологии заставила Российское государство в 80–90-е годы наложить запрет на свободное пользование сочинениями Конта и других социологов. Празднование научными обществами 100-летнего юбилея Конта, кстати, также было запрещено.

Позитивизм дал социологии и социологии права больше, чем любое другое философское направление. Социологические исследования на основе позитивизма привели к впечатляющим результатам, а позитивистская социология права, бурно развиваясь в разных направлениях, создала наиболее аутентичные, классические источники. Как в учении Конта позитивизм и социология возникают одновременно в качестве дисциплин, обосновывающих друг друга, так в России естественным следствием распространения позитивизма было формирование социологии. Поскольку главной целью позитивистской

философии Конт считал построение стройной системы знаний об обществе и человеке⁶, позитивизм изначально создавался как метод, который будет применять новая наука об обществе – социология.

Запрос на позитивизм в России (как и в Европе) был обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, потребностью в формировании общественного сознания в качестве строгой науки, сходной по своим параметрам с естествознанием. Во-вторых, позитивизм виделся как духовная сила, противопоставляемая отжившему феодально-клерикальному порядку: “В позитивизме видели оружие против запросов идеологической реакции, предъявляемых ею под предлогом преданности историческим традициям, национальным основам государства, права и культуры”⁷.

Как верно заметил В.Ф. Пустарнаков, “сравнительно чистый позитивизм в России был редкостью (Вырубов и Де-Роберти раннего периода). Позитивизм воспринимался и критиковался по-разному в разных направлениях русской философской и естественнонаучной мысли. По большей части популяризаторы позитивизма (такие как Лавров, Михайловский и др.) были одновременно энергичными критиками ряда его аспектов, особенно позднего контизма”⁸. Русским авторам существо позитивистской философии Конта виделось в том, чтобы, отказавшись от теологических и метафизических построений, создать позитивное знание о мире, основанное на синтетическом объединении данных специальных наук (естественных и общественных). Философия здесь понималась исключительно как некая синтетическая отрасль знания, не обладающая ни самодостаточностью, ни самоценностью. Заслуга Конта, подчеркивает П.Л. Лавров, состоит в том, что он связал философию с наукой. Позитивисты, с его точки зрения, отрицая и материализм, и атеизм как метафизические системы, исходят из принципиальной проверяемости выводов, ограничиваясь миром явлений⁹.

Важнейшую роль контовского позитивизма русские авторы видели в создании классификации наук, отразившей, как они полагали, строение окружающего мира. В основу классификации

⁴ См., например: Милютин В.А. Мальтус и его противники // Современник. 1847. № 8, 9, 11; и др.

⁵ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 35.

⁶ См.: Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011. С. 54.

⁷ Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 18.

⁸ Пустарнаков В.Ф. Позитивизм в России // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М., 2000–2001. С. 258.

⁹ См.: Лавров П.Л. Избр. произв. В 2-х т. Т. 1. М., 1965. С. 592, 599–601.

был положен ряд принципов: науки группировались от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, от древнего к новому. Главное достоинство итоговой классификации (математика, астрономия, физика, химия, биология, социология) состояло, по признанию русских позитивистов, в том, что каждая последующая наука опирается на законы, открытые предыдущими науками: «Низшая наука входит в высшую всеми своими частями, как, например, механика в астрономию; высшая же наука может войти в низшие только теми своими частями, которые не составляют ее специального остатка»¹⁰. В этом случае социология, наука наиболее сложная и наименее общая, опирается на законы наук наиболее общих (например, биологии). Тем самым постулировалось, что общественные явления развиваются не только по законам социологии, но и по законам всех низших (естественных) наук. Контовская классификация наук, были убеждены русские позитивисты, накрепко связывала обществоведение и естествознание, подводя под социологию строгую научную основу.

Итак, позитивизм создавал универсальную науку об обществе – социологию и передавал ей ряд свойств, несомненно, научного характера. Во-первых, позитивизм ориентировал социологию на изучение эмпирических фактов общественной жизни (в том числе государства и права), а не только на построение абстрактных социальных моделей, перерастающих, как правило, в утопии. Во-вторых, социология получала свой главный метод исследования – структурно-функциональный анализ, благодаря которому факты социальной действительности рассматривались как части целого и во взаимосвязи между собой¹¹. В-третьих, агностицизм, заданный позитивизмом, вносил в исследовательский процесс здоровый скептицизм, предохраняя ученого от ухода в метафизику, принципиально не верифицируемую.

Социология (социология права) действительно получала научную строгость после того, как начала рассматривать человека, общество, государство и право как эмпирические явления, как неотъемлемые части природы. Если человек, рассуждали социологи, в качестве биологического существа является частью природы, то производные его деятельности (общество, государство и право) должны также каким-то образом, прямо или опосредованно, быть связанными с

природой и обусловлены ей. Такой природно-эмпирический каркас социальных (в том числе политико-правовых) явлений предоставлял науке достаточно определенные данные, которыми можно было уверенно оперировать и делать более или менее точные выводы. Так, для П.А. Сорокина человек есть прежде всего материя или энергия (физико-химический компонент), затем организм (биологический компонент) и, наконец, социальное существо. «Все мы, – утверждает он, – подчинены, например, закону тяготения, и он решающим образом определяет данный, а не иной ход социальной эволюции. Не будь его – совершенно другой была бы жизнь человечества: другими были бы способы передвижения, а тем самым торговля, охрана, защита, политические границы, подданство и другие условия социальной жизни.

Будь иными географические (например, флора и фауна, конфигурация земной поверхности – распределение гор и долин, суши и моря) и климатические условия – иной была бы и история человечества. (Иным был бы, например, “жилищный” вопрос, иными были бы занятия человечества; не будь “домашних” животных – лошадей, ослов, мулов и т.д., – иными были бы условия человеческого труда; при ином распределении суши и воды иными были бы политические границы государств и занятия его обитателей и т.д.)

При другой антропологической организации другой был бы и весь уклад жизни. (Допустите, что человек обладал бы наподобие растений способностью перерабатывать неорганические вещества в органические. Какая разница жизни возникла бы из этого одного факта!)

То же относится и к биологическим факторам, в частности к выдвинутому Ковалевским и Костом явлению разложения или же к подчеркиваемому Уордом и Паттэном факту неодинакового реагирования на различные раздражения, из которых одни возбуждают страдание, другие – наслаждение. Как эти, так и ряд других чисто биологических факторов, например, питание, приобретенные привычки, так называемые “рефлексы и инстинкты”, наследственность, выдвигаемое ламаркизмом значение упражнений и повторения и ряд других биологических свойств, несомненно, обусловили и продолжают обуславливать данный, а не иной уклад социальной организации и эволюции человечества»¹².

¹⁰ Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избр. труды по социологии. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1998. С. 352.

¹¹ См., например: Тахтарев К.М. Социологические труды. СПб., 2006. С. 44, 45.

¹² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 523, 524.

Биология и дарвинизм

В контовской классификации наук ближе всего к социологии стояла биология, что русскими социологами было воспринято как вполне правильное соотношение. Биологические свойства человека, его животная природа, полагали они, в значительной мере определяют поведение человека, задают параметры его деятельности. Подобно тому, как натуралист изучает животное или растение, социолог должен был рассматривать человека и институты, им созданные. Если биолог выявляет законы и закономерности в жизни животных и растений, то социолог, изучая инстинкты и рефлексы человека, вполне способен открывать стереотипы социального поведения, т.е. те же законы. Проведение аналогии между обществом и биологическим организмом при всей грубости такого приема, как справедливо замечали русские социологи, было значительным шагом вперед в деле формирования научного подхода при изучении общества, государства и права. Пока между биологией и социологией не будет установлена связь, утверждал Н.К. Михайловский, социология немыслима¹³.

Мощным импульсом в перенесении законов биологии на социологию (социологию права) стала теория Ч. Дарвина, влияния которой, по словам М.М. Ковалевского, не избежал ни один из крупных социологов¹⁴. Как верно отмечали русские авторы, идею борьбы за существование Ч. Дарвин заимствовал из теории Т. Гоббса и Т.Р. Мальтуса, а затем она уже в виде биологической гипотезы оказала влияние на социологию¹⁵. Дарвинизм, полагал Н.К. Михайловский, расчищал путь социологии, так как отвергал всякую телеологию, ориентировал на изучение не цели природы, а ее механизма¹⁶. Это было в целом верное утверждение, так как поиск целеполагания человеческой деятельности в обязательном порядке нуждался в создании ценностной шкалы, что неизбежно уводило в сторону метафизики и построения социальных утопий. Объективный, внеценностный анализ механизма общества и его политико-правовых институтов делал для социологии (социологии права) гораздо больше, чем схоластические рассуждения о философии человеческой истории. Для становления подлинно научного подхода мно-

го полезнее было выяснить, например, механизм влияния на государство и право различных социальных и природных факторов, чем выстраивать философскую систему о телеологии государства и права в контексте мироздания.

Дарвинизм много сделал для формирования структурно-функционального метода – важнейшего для социологии. В социальной статике Конт детально развернул свое учение об обществе как совокупности функциональных взаимосвязей как структуре элементов, функционально между собой связанных. В таком контексте человек или институт не обладают автономной самоценностью, их статус, роль и значение как бы подтверждаются другими людьми и институтами. Только функциональная связь, например, государства и права способна нам что-то сказать об их объективных свойствах. Дарвинизм, рассматривая человека как представителя вида, как исключительно стадное, коллективное существо, акцентировал внимание на связях, делавших индивида социальным существом. Так, согласно дарвинизму борьба за существование, способствуя разделению труда, значительно усиливает зависимость людей друг от друга. Дифференциация труда оборачивается все большей интеграцией общества. Например, появление политики или юриспруденции в качестве автономных сфер деятельности должно было сказать социологу не об отчуждении государства и права от общества, а напротив, о тесной связанности их с другими сферами и институтами общественной жизни, об их включенности в единую систему социальных взаимосвязей.

Во многом под влиянием дарвинизма все крупные русские социологи-позитивисты первой волны признали, что многие социальные законы – это трансформированные биологические законы. Главные идеи Ч. Дарвина – борьба за существование и естественный отбор – хотя и с существенными оговорками, но принимались в качестве объективных условий существования общества. И это понятно: всякое, даже поверхностное изучение истории говорило о ней как о нескончаемой цепи классовых конфликтов, бунтов, войн и революций. Игнорировать факты добросовестный социолог не мог. Русские социологи-позитивисты, большинство из которых либо были народниками, либо симпатизировали им, отвергали внутривидовую борьбу между отдельными индивидами (что наблюдается в мире растений или животных), полагая, что в любом человеческом коллективе преобладают в конечном счете кооперация, коллективизм, солидарность, сотрудничество. В обществе борьба за

¹³ См.: Михайловский Н.К. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ См.: Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011. С. 131.

¹⁵ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 2008. С. 111.

¹⁶ См.: Михайловский Н.К. Указ. соч. С. 208, 209.

существование трансформировалась, с их точки зрения, в борьбу с природой за выживание вида, т.е. коллектива. Борьба за существование в обществе ведется средствами культуры и в рамках культуры (за распространение своей системы ценностей, своей религии и т.д.)¹⁷. Культура в данном случае есть одновременно и средство борьбы за выживание, и результат приспособления к среде. Из активной борьбы за существование выросли первые зачатки культуры. Сама культура создает новые орудия (власть, богатство, знание, мораль) и новые формы (политическая, экономическая, религиозная, национальная) борьбы¹⁸. Появление государства и права есть результат действия закона борьбы за существование, итог расширения и закрепления в форме этих элементов культуры “замыренной среды”¹⁹. Логика русских социологов-позитивистов подводила примерно к такому выводу: государство и право потому появились на определенном этапе истории человечества, потому совершенствуются и развиваются, потому ни один народ от них не отказывается, а напротив, борется за их утверждение и существование, что данные институты – важнейшее средство в борьбе за жизнь, за выживание.

Русские социологи, по словам Н.И. Кареева, доказав, что законы борьбы за существование и естественного отбора в обществе трансформируются, внесли существенный вклад в развитие социологии²⁰. Данное утверждение следует уточнить: они внесли вклад в науку прежде всего тем, что посредством дарвинизма показали связь биологических механизмов жизнедеятельности людей с социальными формами, что открывало большие перспективы для изучения общества с позиций строгой науки.

Эволюционизм и теория прогресса

Как отмечалось выше, одним из источников классической социологии стала философия истории Нового времени (Вико, Гердер, Кондорсе, Гегель), где была предпринята попытка отыскать закономерности мировой истории. Теория эволюции, сформулированная во второй половине XIX в., была естественным продолжением данного стремления. Эволюционизм формировался одновременно социологами (О. Конт, Г. Спенсер, Э.Б. Тайлор) и биологами (Ч. Дарвин), так как обе науки были заинтересованы в теории, способ-

ной предложить универсальную модель развития мира (природного и социального). Полученные таким путем обе формы эволюционизма (социальный и биологический) причудливым образом взаимодействовали: первоначально социологический эволюционизм повлиял на дарвинизм и биологию в целом, затем (к концу XIX в.) биологическая наука и дарвинизм стали активно воздействовать на обществоведение и, в частности, на социологию. В конечном счете эволюционная теория представала как логичный результат применения позитивистской методологии к природным и социальным явлениям, а позитивистская социология и социология права сделали эволюционизм своей теоретико-методологической основой. По словам Н.С. Тимашева, “в начале XX в. эволюционизм стал общепризнанной догмой. Его господство распространилось далеко за пределы социологии... Эволюционистская догма лежала в основе всех биологических и социальных наук того времени”²¹. Эволюционизм ориентировал ученых на широкое использование данных истории, антропологии, этнологии, что заметно усиливало интерес к генезису социальных форм (семьи, государства, права) и стало причиной возникновения генетической социологии.

Распространение эволюционизма сыграло огромную роль в развитии научных взглядов на общество, государство и право, в формировании социолого-правовой мысли. Если просветители XVII–XVIII вв. рассматривали политико-правовые институты в основном как результат целеполагающей деятельности человека (теория общественного договора), подчиненной некоей мировой целесообразности, то для эволюционизма источник развития социального и природного мира лежал в нем самом и не зависел от человеческой воли. Общественная наука, таким образом, получала идею естественного саморазвития социальных институтов. “Эволюционизм положил конец просветительскому оптимизму, убежденности в том, что счастье людей не зависит от законов мироздания”²². Социальная жизнь, история человечества встраивались в общемировой эволюционный процесс, подчиняя государство и право безличным законам природы. Общество и его институты, утверждала эволюционная теория, подчинены такому же механизму изменения и развития, как и природные явления (неорганические и биологические). Эволюционный процесс представал как нескончаемая цепь причин-

¹⁷ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 114, 115.

¹⁸ См.: Южаков С.Н. Социологические этюды. М., 2008. С. 439, 454.

¹⁹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 117, 118.

²⁰ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 115, 116.

²¹ Тимашев Н.С. Методологические работы: 1920–1930 годы. М., 2010. С. 93.

²² Виноградов П.Г. О прогрессе. М., 1898. С. 40, 41.

но-следственных связей, установление которых позволяло выдвигать научные гипотезы о ранних, документально не зафиксированных социальных формах человеческой истории, и пытаться прогнозировать будущее развитие государства и права. Эволюционизм мотивировал на основе известных фактов выстраивать гипотезы о еще неизвестных. Так обосновывался исторический, т.е. глубоко научный, подход в оценке политико-правовых явлений.

При всей своей плодотворности концепция эволюционизма серьезно ограничивала возможности социологии (социологии права) и потому была дополнена теорией прогресса. Если эволюционизм, подводя под общество и природу единые законы развития, сближал их (а у органицистов – отождествлял), то теория прогресса акцентировала внимание на различии природных и социальных явлений. Эволюционизм, обосновывая идею развития, представлял ее в качестве объективного процесса, некоей безличной силы, тогда как в теории прогресса в центр исследовательского интереса ставился субъективный фактор, изучалось влияние человека на ход исторического процесса. Эволюционизм давал возможность объективно оценить изменения в морфологии и функциях политико-правовых институтов на определенном историческом отрезке времени, что для науки было очень ценно. Но социология хотя и претендовала на роль бесстрастной науки, своего рода точного фиксатора свойств изучаемых объектов, нуждалась, тем не менее, в поиске смысла, направленности человеческой истории, пыталась определить вектор развития государства и права. Если эволюционисты-биологи отвергали всякую попытку внести смысл в природные процессы, то эволюционисты-социологи прямо или косвенно вводили в тему человеческой истории ценностный и телеологический аспект, что особенно было характерно для так называемой “русской субъективной школы”²³. М.М. Ковалевский, например, прямо связывает рождение социологии с возникновением идеи прогресса, которую он понимал как одно из проявлений более общего учения о закономерности общественных явлений²⁴.

Эволюционизм и теория прогресса, во многом вырастая из единого интеллектуального корня (философии истории), не имели четкой границы и пересекались на понятийном и персональном уровнях. Тем не менее русские социологи различали эволюцию и прогресс, эволюцию и революцию, прогресс и регресс, применяя эти понятия

при изучении политико-правовых учреждений. Эволюционизм, справедливо указывает Н.И. Кареев, спонтанно всегда несет в себе идеал (ценностную установку), сопрягается с его активной ролью, так как тема социальной эволюции включает в себя вопрос о ее движущих силах. Даже О. Конт, продолжает русский социолог, стремясь представить социальную динамику объективно, предпочитая говорить не о совершенствовании социальных форм, а об их развитии, не смог полностью изгнать идею прогресса из своего учения (особенно в “Системе позитивной политики”)²⁵. Однако следует различать эволюцию и прогресс: если эволюция характерна изменением в форме либо прогресса, либо регресса, то прогресс есть всегда “поступательный ход общественной жизни, обусловленный творческой, преобразующей и обновляющей деятельностью человека, приводящий его к все новым и новым формам жизни”²⁶. Категория регресса относительна и имеет частный характер на фоне общемирового поступательного движения человечества вперед. Понятие регресса применимо лишь к старым формам общества, так как само общество (любое общество) всегда движется вперед. Регресс – это простое разложение отживших общественных форм. Государства погибали не потому, что регрессировали и изживали себя, а в результате военных поражений (например, государства Древней Греции и Древнего Рима)²⁷. В теории прогресса русские социологи считали необходимым различать объективно научную и субъективно-этическую стороны²⁸, а эволюционизм предлагали дополнить диалектикой Гегеля и Маркса, поскольку эволюция характеризуется прерывистой изменчивостью, содержит качественные скачки, резкий переход количества в качество. Таким образом поступательный ход общественной жизни включал в себя, с точки зрения русских социологов, как эволюцию, так и революцию. Великие революции, утверждал К.М. Тахтарев, не нарушают законы общественной жизни, а напротив, реализуют их²⁹.

Теория прогресса знаменательна тем, что ставила вопрос о научности социологии. О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль и их русские адепты, связывая социологию с естествознанием, рассчитывали создать строгую, верифицируемую науку, не зависимую от субъективизма ученых.

²⁵ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 430, 431, 437.

²⁶ Тахтарев К.М. Указ. соч. С. 337.

²⁷ См.: там же. С. 337–339, 343.

²⁸ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 432.

²⁹ См.: Тахтарев К.М. Указ. соч. С. 296, 297, 299, 340.

²³ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 439.

²⁴ См.: Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 178.

Теория прогресса заставляла усомниться, что это полностью удалось. Сложившаяся в атмосфере европейского Просвещения XVII–XVIII вв., она была востребована социологической наукой в качестве методологической посылки, позволяющей установить направленность социального развития. Для социологов-позитивистов первого поколения, находившихся под сильным влиянием просветительской идеологии, идея прогрессивного развития общества была почти аксиомой. В конце XIX – начале XX вв. появляются первые сомнения в истинности теории прогресса, а XX в., давший примеры одичания нравов и страшных преступлений против человечества, породил громадную волну социального пессимизма. Идея социального прогресса из аксиомы превратилась в проблему, требующую своего обсуждения.

Во второй половине XIX в. проблему социального прогресса правильно, точно и ясно поставили и во многом решили неокантианцы Баденской школы, с точки зрения которых, прогресс и регресс – ценностные категории, относящиеся к миру культуры и означающие процесс возрастания или уменьшения ценности. Не может быть никакого “закона прогресса”, утверждал Г. Риккерт, так как закон и ценности исключают друг друга: прибавление нового – уникальное явление, закон повторяется бесконечное количество раз. Принцип прогресса не выводится из законов эволюции природы³⁰. Неокантианцы убедительно показали, что категории прогресса и регресса в значительной мере субъективны и относительны, зависят от ценностных предпочтений общества или отдельных социальных групп, от ценностных стереотипов исторической эпохи и культуры народов. В русле такой логики социология (социология права) с необходимостью включала в себя ценностный компонент, а значит, переставала быть строгой наукой. Социолог, пытавшийся оценить социальный объект с точки зрения его прогрессивного или регрессивного развития, рассматривал его с позиции смысла истории, ее задач и целей, т.е. уходил от строгой науки обратно в область философии истории, изобилующей взаимоисключающими подходами.

Русские социологи-позитивисты 60–70-х годов XIX в. (раньше немецких кантианцев) также указали на ценностный и телеологический аспекты теории прогресса. Субъективная школа (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков) не просто отмечала (как бы на полях) ценностный компонент, социология с ее точки зрения в

качестве строгой науки обязана была исследовать социальные явления через призму этического идеала. Изучение общества, заявлял П.Л. Лавров, всегда принципиально субъективно, так как предполагает отбор и группировку фактов на основе ценностных предпочтений. В этом случае, по его мысли, социология не только не перестает быть наукой, но, напротив, повышает свою доказательность, а социальный прогресс приобретает статус своеобразного социологического закона³¹. Таким образом постулировался сомнительный с точки зрения принципа непротиворечивости тезис: идея прогресса вырастает на почве строгой научной объективности, на почве фактов, но сами факты группируются исключительно субъективно, на основе ценностных предпочтений.

Несмотря на откровенно политизированный и идеологизированный характер теории прогресса в интерпретации субъективной школы (обосновывала народнический социализм), русские социологи пытались подвести под нее научный фундамент, обосновать условия его осуществления, цели, конечный результат, движущие силы, что дало некоторые позитивные результаты для понимания закономерности в развитии государства и права. Так, один из основателей народнической социологии С.Н. Южаков выделял два вида прогресса: органический (приспособление жизни к условиям физической среды) и исторический (приспособление среды к условиям жизни). Если органический прогресс отличается пассивностью, определяется естественным отбором и способностью приспособливаться, не меняя условий среды, то в историческом – главную роль играет культура, которая активно воздействует на физическую среду, заметно ее меняя. Благодаря историческому прогрессу человеческое общество создает свою, новую среду обитания – культуру, цивилизацию, что и является, по С.Н. Южакову, целью истории. Культура, таким образом, становится сферой, где каждое последующее поколение наследует от предыдущего и совершенствует дальше способы приспособления физической среды к потребностям жизни³².

К.М. Тахтарев выводит следующие объективные, как он полагает, признаки прогресса: 1) изменение соотношения между природной средой и искусственной средой, повышение уровня овладения человеком силами природы; 2) повышение уровня человеческой жизни, все более полное удовлетворение потребностей человека на основе новых открытий и изобретений; 3) появление

³⁰ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 177, 178.

³¹ См.: Лавров П.Л. Указ. соч. Т. 2. С. 43–46.

³² См.: Южаков С.Н. Указ. соч. С. 76.

новых потребностей человека; 4) ускорение поступательного хода общественной жизни³³. Н.И. Кареев усматривает научную основу идеи прогресса в сочинениях трех авторов: Г. Спенсера (эволюция создает явления нового порядка, которые не могут управляться старыми законами, они вырабатывают новые законы, т.е. налицо качественный скачок); Ч. Дарвина (дарвинизм установил факт развития в органической природе от низших организмов к высшим, в человеческом обществе установил факт наследственного закрепления новых качеств); К. Маркса (экономический материализм указал на одно из объективных начал социальной эволюции – экономику)³⁴.

В самом общем плане научные аргументы в пользу прогресса в политико-правовой сфере сводились к нескольким тезисам. Во-первых, история человечества едина, у народов мира общий ход развития, его основные ступени постоянно повторяются, возникновение государства и права – одна из таких ступеней. Отсталые народы должны пройти те стадии, которые уже прошли более передовые народы. Говорить о самобытности культур как основе их уникального исторического развития и политико-правовых форм – научное недомыслие. Во-вторых, государство и право в качестве элементов культуры усиливают независимость человека от природы, делают жизнь более безопасной, стабильной и удобной. В-третьих, государство и право становятся теми новыми потребностями, которые воспринимаются как жизненно необходимые, их возможная утрата расценивается как значительное ухудшение качества жизни. В-четвертых, появление политико-правовых форм и постоянное их обновление в разных исторических эпохах и культурах свидетельствуют о наследственности своего рода, о кумулятивном росте социальной памяти.

Конкретизация идеи прогресса в политико-правовой сфере неизбежно разводила социологов-позитивистов на разные полюса: сторонники понимали прогресс как движение в сторону социализма с постепенным ослаблением (иногда до полного отмирания) государства и права, для либералов прогресс означал усиление институтов буржуазной государственности (правовое государство, парламентское правление, разделение властей, верховенство права и т.д.)³⁵.

Законы и закономерности

Главным внутренним импульсом “первого позитивизма” была потребность в создании общественной науки, способной выявлять законы и закономерности общественной жизни. Предполагалось, что общество и его институты, являясь частью природы, встроены в общий эволюционный процесс и живут по его законам. В методологическом отношении такой подход проявился в стремлении подвести под социологию строго научную основу в виде естествознания, так что внешне новая наука об обществе выглядела вполне свежо, привлекательно и респектабельно (недаром она завоевала такую большую популярность в исторически короткие сроки). Социологи-позитивисты первой волны были переполнены оптимизмом относительно эвристических возможностей новой науки, были преисполнены желанием открытия социологических законов, усматривая в них средство социального реформирования на подлинно научных принципах.

Вместе с тем уже на первых этапах своего развития позитивистская социология встретила с серьезной методологической проблемой: механически переносить законы естествознания в сферу общественной жизни, не противореча очевидным фактам и здравому смыслу, было невозможно. Наиболее последовательные сторонники отождествления законов природы и общества – органицисты (органическая школа) – нередко демонстрировали абсурдность и курьезность своих якобы научных выводов. Большинство социологов-позитивистов, пытаясь избежать такой категоричности, делали всяческие оговорки о недопустимости полного отождествления природы и общества. Однако им не удалось достичь в этом вопросе такой методологической ясности, какую показали неокантианцы Баденской школы. В отличие от социологов-позитивистов, выступавших за установление связи между естествознанием и обществоведением, неокантианцы, напротив, провели четкую границу между науками о природе и науками о культуре. Первые, указывали Р. Риккерт и В. Виндельбанд, имеют дело с миром, где господствуют каузальность, закономерность, повторяемость, вторые исследуют сферу человеческого духа, уникальной по своей природе, проявляющей себя в ценностных установках и основанной на них культуре. При исследовании природы главную роль играет генерализирующий метод (номотетический), при изучении культуры – индивидуализирующий (идиографический). Социологию и Р. Риккерт, и его ученик М. Вебер считали по преимуществу наукой генерализирующей.

³³ См.: *Тихомиров К.М.* Указ. соч. С. 333, 334, 341, 342.

³⁴ См.: *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. С. 443–445.

³⁵ См., например: *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 35–69.

щей, но использующей также идиографический метод.

Суть номотетического метода состояла в том, чтобы под класс явлений подвести общий знаменатель, имеющий характер закона. Номотетический метод может применяться только там, где есть повторяемость, где явления включены в некую закономерность. Идиографический метод, напротив, призван установить и описать объект как единичный, уникальный, неповторимый. Идиографический метод, подчеркивали неокантианцы, также является научным, так как использует средства логики: подводит явление под общезначимую ценность, выявляет причинно-следственные связи внутри изучаемого явления. Вместе с тем генерализирующие науки более или менее близко стоят к абсолютной истине, идиографические – не находятся ни в каком отношении к абсолютной истине, так как руководящие принципы их образования являются исключительно фактическими оценками, сменяющимися друг друга, как волны в море. Различных исторических истин столько же, сколько существует культурных кругов (научная среда, принимающая единую систему ценностей).

За рассуждениями о методах фактически стоял вопрос о существовании социальных отношений. Было заявлено, что социальная материя принципиально отличается от природной, что мир природы строится на каузальности и повторяемости, мир культуры – на свободе воли и ценностях. Такой подход предполагал полное отрицание повторяемости (т.е. законов в истории), а сама всемирная история объявлялась фикцией (так как невозможно подвести единые ценности под все человечество). То что обычно называют законом истории, есть, утверждали неокантианцы, обычная формализованная ценность. Говорить об истории имело смысл только применительно к какой-то социальной общности, имеющей единые ценности. В данном случае речь шла, как правило, о народе, имевшем свой мир ценностей, свою уникальную культуру.

Русские социологи-позитивисты, формально оставаясь на позициях контизма, зачастую фактически рассуждали в духе неокантианства Баденской школы. Особенно наглядно это проявилось в социологии народничества (субъективной школе), которая отстаивала тезис об активной роли субъекта (интеллигенции, народа) – подлинного творца истории. Близкий к субъективной школе Н.И. Кареев, пытавшийся, правда, корректировать ее субъективизм в сторону большей научной объективности, утверждал: человек как животный

организм подчинен действию законов борьбы за существование и естественного отбора, но как существо общественное человек подчинен еще и другим, чисто социальным законам³⁶. Иными словами, признавалось, что есть законы природы и законы общества, не пересекающиеся и не совпадающие.

Стремясь исправить прямолинейность “первого позитивизма”, русские социологи предприняли попытки разработать более тонкий и гибкий инструментарий. Так, Н.И. Кареев, используя неокантианскую терминологию, выстраивает свою, модифицированную теорию социальной эволюции. Социология, осторожно рассуждает он, имеет дело не с круговоротами, не со строгой периодичностью в развитии социальных процессов, а с отсутствием прямолинейности. Социология – наука номологическая, т.е. исходит из факта каузальной связи явлений эволюционного процесса. В качестве социологического закона здесь выступает причинно-следственная зависимость явлений исторического процесса, они предстают как закономерно необходимые. Но, поскольку на каждое изучаемое отношение действует большое количество факторов, действие закона меняется. Есть необходимость номологическая, не допускающая никаких случайностей, а есть – идиографическая, которая не исключает элемента случайности. Соответственно, социальная эволюция может быть идиографической (эволюция отдельного общества или одной из сторон его культуры) и номологической (эволюция человечества в целом)³⁷. Иными словами, идиографическая эволюция предполагает в известном смысле уникальность, где выводить общие законы было бы затруднительно, а проводить описательный анализ вполне возможно; теория номологической эволюции, напротив, рассматривая историю человечества в целом, призвана находить в ней некие общие законы. Таким образом, признавалось бесконечное многообразие социальных форм и вместе с тем закономерность общемирового социального развития.

Такая методологическая позиция давала возможность более гибко подходить к изучению политико-правовых форм, представленных в мировой истории. Например, в своей генетической социологии М.М. Ковалевский исходил из европоцентристской установки: западные демократические институты – венец политико-правовой эволюции человечества, неевропейские народы

³⁶ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 109.

³⁷ См.: Кареев Н.И. Общие основы социологии. М., 2010. С. 26–33.

отстали в своем развитии, их историческая задача – достичь европейского образца. При этом русский социолог вполне объективно рассматривал государство и право различных эпох и культур, не пытаясь особенно их связывать с общей эволюцией человечества. Политико-правовая культура так называемых не цивилизованных или мало цивилизованных народов виделась ему как частный, особый случай истории, который мог как подтверждать общие исторические закономерности, так и вступать с ними в конфликт.

И все-таки стремление смягчить контовскую догму о теснейшей связи естествознания и обществоведения, о распространении законов природы на общество не было главным вектором в развитии позитивистской социологии. Основные усилия русских авторов были направлены на обоснование тезиса, что в обществе, несмотря на всю специфику его свойств, действуют законы и закономерности, позволяющие дать ему вполне научный анализ. Различались два вида социологических законов: 1) законы социальной эволюции (закономерности), устанавливающие последовательность в развитии и смене социальных форм и учреждений; 2) законы, устанавливающие зависимость социальных явлений между собой и от других факторов. Разработка теории социологического закона велась как в методологическом, так и в содержательном аспектах. Например, такие авторы, как С.Н. Южаков, А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд, Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев много сделали для обоснования категории социологического закона. Социологи-историки и социологи-юристы (К.Д. Кавелин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, В.М. Хвостов, П.А. Сорокин) попытались наполнить эту категорию конкретно-историческим материалом.

Законы и закономерности предполагают зависимость и повторяемость, что и старались отыскать в жизни общества русские социологи. Их аргументация в пользу существования социологических законов могла выглядеть убедительно. Законы, рассуждает П.А. Сорокин, вытекают из свойств предмета: камень падает на землю не потому, что есть всемирный закон тяготения, а потому, что камень имеет свойство тяжести. Закон есть связь предметов, подмеченная человеком благодаря многократному однообразному повторению этой связи. “Закономерность в истории означает то, что не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался бы помимо

его”³⁸. “Повторяемость явлений в любой области общественной жизни, – отмечает К.М. Тахтарев, – предполагает удовлетворение тождественных человеческих потребностей одними и теми же средствами при сходных условиях”³⁹. Человек с первобытных времен, продолжает он, фиксировал закономерности явлений природы и пытался установить их в социальной жизни. Сравнительная история дает бесспорные данные о повторяемости явлений, об одинаковых формах культуры и одинаковых учреждениях у разных народов, и статистика подтверждает эти данные. В истории немало повторяемых явлений: орудия труда первобытного человека, общинное землевладение, частная собственность, похожие формы брака, политические формы, формы религиозного сознания. Как бы заранее отвергая критику о натянутости такой аргументации, К.М. Тахтарев подчеркивает, что даже в биологии нет абсолютной повторяемости, так как в этом случае эволюция не была бы возможна: ведь вместе с повторяемостью имеет место и появление чего-то нового в природе⁴⁰. Конкретное явление как случившийся факт, уточняет С.Н. Южаков, повториться не может, но явление как факт данного рода повторяется. Например, распад Римской империи или Византии неповторим, но распад государства, абстрактно взятого, повторим и повторился не раз⁴¹.

К.М. Тахтарев обращает внимание на социологический закон, идущий, как он считает, от Аристотеля и повторенный затем Ф. Лассалем: “Всякая система организации общественной власти обуславливается данным соотношением общественных сил и определяется соответствующим соотношением политических учреждений”⁴². «Этот социологический закон, – продолжает он, – одинаково применим и к пониманию организации власти в первобытном геронтократическом обществе каменного века, распадающемся на половозрастные группы. Он в равной степени приложим как к родовому, так и к территориальному обществу. Он применим в не меньшей степени и к феодальному, и к буржуазному обществу, все равно – имеем ли мы дело с республикой, представляющей собою политическое господство определенного сословия или класса, или мы имеем перед собою монархию, установившуюся на почве противоборчества и взаимообессиливания различных общественных групп, безысходная

³⁸ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 520.

³⁹ Тахтарев К.М. Социологические труды. СПб., 2006. С. 366.

⁴⁰ См.: там же. С. 76, 348, 352, 360–363.

⁴¹ См.: Южаков С.Н. Указ. соч. С. 229, 230.

⁴² Тахтарев К.М. Указ. соч. С. 450.

борьба которых приводит всякое общество к известному равновесию его общественных сил и к возможному господству всяких третьих лиц над общественными силами, не способными прийти к взаимному соглашению или пересилить друг друга. Правильность этого социологического закона может быть наглядно показана на примере любой диктатуры, все равно – будет ли эта диктатура какой-нибудь определенной общественной группы “или диктатура какого-нибудь лица, или своего рода совмещение обеих этих форм диктатур, что тоже бывает нередко, особенно во времена революций”.

Этот социологический закон применим в равной степени как к древней, так и к новейшей непосредственной демократии. Он приложим и к любому социалистическому или коммунистическому обществу, которое точно так же состоит из целого ряда самых различных общественных групп, взаимным соглашением, трением и борьбой, одним словом, необходимым соотношением которых определяется форма организации власти и в социалистическом, и коммунистическом обществах. Этот социологический закон говорит, что организация политической власти может быть построена: или на совластии общественных групп, пришедших к взаимному общественному соглашению; или на господстве наиболее сильных общественных групп над другими, на диктатуре какого-нибудь общественного класса или группы

лиц; или, наконец, на диктатуре какой-нибудь сильной деспотической и властолюбивой личности, основывающей свою единоличную власть, конечно, на поддержке каких-нибудь общественных групп, еще не имеющих силы господствовать самостоятельно, организовав свою собственную общественно-групповую, классовую республиканскую власть или уже потерявших эту возможность.

Знание этого социологического закона имеет очень большое значение для правильного понимания целого ряда важнейших явлений политической жизни. Так, например, этот закон дает полную возможность понять должным образом условия существования того, что принято называть политической свободой, которая, как и действительное общественное и политическое равноправие, может существовать лишь на почве возможно более полного общественного соглашения самых различных общественных групп. Этот социологический закон подтверждается сравнительной политической историей всех народов»⁴³.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что разработанная русскими позитивистами теория социологии сыграла существенную роль в становлении социологического знания, в частности социологии права.

⁴³ Там же. С. 450, 451.